

«Ты горишь путеводной звездой...»

**Александр
ТЮНЬКИН**

Певец рабочей
темы, член
литературного
объединения
«Магнит», автор
сборника
«Кладенец»,
лауреат премии
им. Селянина
2000, 2005 годов.

войти должна
в жизнь мою,
как тогда,
без стука,
как приходит домой
жена.

— Милая, это не слезы,
не половодий следы...
Были жестокие годы —
высохнут капли воды.

— Милая, то не седина —
отблеск прожитых годов...
Падает пух тополиный
в пепел остывших годов.

— Милая, это не ирамы:
юность не знала преград,
был я мальчишкой упрямым —
вырос упрямым стократ.

— Милая, эти морщины —
след непройденных путей.
Шрамы, морщины, седина —
это порука мужчины
юности вечной твоей!

Я — боль твоя,
а может быть, и стыд
с глухой, неодолимою тоскою,
распят тобой
и ржавыми прибит
к той памяти,
что встала надо мною!

Мой самосуд —
страшнейший из судов,
так пусть Любовь
мне будет адвокатом
и счастье
без поруки и без слов,
что поровну
делили мы когда-то.

Когда предстану я
перед судом,
раскаяться,
но вымолю у Бога:
мне — прямо в ад,
я в жизни с ним знаком,
и в рай —
тебе — тернистую дорогу.

Зеркало

Есть привиденья добрые и злые,
есть колдовство и просто
ворожба.

Когда с тобою встретился впервые,
не знал, не ведал: с кем свела судьба!

Окутан сетью злого наважденья,
не мог понять, что красота глала,
что ты пришла бездушным
отраженьем
мечты и грез в холодных зеркалах.

Твоей красы сияющей оправой
я околдован или опьянен...

Коллаж Ирины ЖУРАВЛЕВОЙ.

Разбить стекло не в силах
и не вправе,
и отражает зеркало мой стон!

Гимн металлургов

Муз. В. Кривошекова

Когда чугуном струей горячей
брызнет,
и гаснет день в стихии огневой,
отдаст печам частицу
чистой жизни,
огонь души добавит горновой!
Пошел металл и высветил на лицах
в рубинах пота огненный загар —
не гаснут над МАГНИТКАМИ

зарницы,
пока стоит на вахте сталевар!
Пока стоит на вахте сталевар!
Грохочет стан, венчая переделы,
летит металл сквозь огненную
клеть,
стальной прокат торопится
на дело:
пахать поля и в Космос полететь.
Привычны нам горячие дороги,
не сломят нас каленые ветра.
Крутым огнем командуют,
как Боги,
творцы металла, чудо-мастера!
Творцы металла, чудо-мастера!

Тебе наш труд, любимая Отчизна,
и нет для нас важнее дел иных —
недаром стал горячей школой

жизни
союз профессий горных и стальных.
Тебе, Россия, слитки звонкой
стали
на благо жизни в пламени куем,
и помним мы, как в нашу честь
звучали
победные салюты над Кремлем!
Тебе, Россия, слитки звонкой
стали
на благо жизни в пламени куем
и помним мы, как в нашу честь
звучали
победные салюты над Кремлем!
Победные салюты над Кремлем!

Марш рабочих династий

Муз. И. Гвенцадзе

Люблю тебя, стозвонный
и огромный,
мой комбинат, ты стал моей
судьбой:
недаром дед у летки первой домны
принял удар стихии огневой.
Принял удар стихии огневой.

Когда любимой Родины границы
объял войны невиданный пожар,
зажег над степью
грозные зарницы —
варил броню отец мой — сталевар!
Варил броню отец мой — сталевар!

Тогда меня, вчерашнего солдата,
сменить на робу старенький
бушлат

горячим руслем звонкого проката
пленил Магнитогорский комбинат.
Пленил Магнитогорский
комбинат!

И пусть года высвечивают даты —
растет династий дружная семья:
пока за партией учатся внучата,
стоят на вахте наши сыновья.
Стоят на вахте наши сыновья!

Фейерверк

Раз в год над суетою будней
взметнется радугой вверх
над нашей жизнью многогранной
в День металлурга фейерверк.

В нем яркий цвет
Почетных грамот
и блеск нечастых орденов,
то в небо винтятся упрямо
глаза проспектов и цехов.

Вот расцвело России знамя,
кипенье стали, жар огня —
то изрыгает в небо пламя
магнитогорская броня.

То бирюза, то цвет опала
в вечернем небе задрожит,
граненым отблеском Урала
повиснет в тучах малахит.

Мы гордо головы поднимем,
посмотрим праздничный салют —
не дымом и рублем единым
в Магнитке дышат и живут!

Чернорабочий комбината,
с тобой я сердцем и душой,
я благодарен вам, ребята,
за опыт трудный и большой.

Учили вы авралы дружно
с забралом поднятым встречать
и не пицать, а было трудно —
друзей в беде не оставлять.

Учили в буднях видеть радость,
давить, где нужно, тормоза.
Спасибо, что прощали слабость,
а правду резали в глаза.

Магнитогоринка

Муз. А. Гардашникова

В уральский ветер и мороз
зарю весны ты мне принес,
я расцвету, любовь дая,
магнитогоринка твоя.

Припев: Горят зарницы в облаках,
улыбкой тают на щеках.
Ты счастье наше озаряй,
магнитогорская заря.

Ты нежность в пламени калил,
нашел в огне источник сил,
и тил прохладу огнелюб
из родника любимых губ.

Припев.

Огонь венчавших нас колец
зажегся в пламени сердец,
я догорю, любовь дая,
магнитогоринка твоя.

Припев.

Песня о Магнитогорске

Муз. А. Гардашникова

Мы в холодных палатках мечтали
о дворцах над Уралом-рекой
и любовно Магниткой назвали
юный город с горячей душой.

Припев: Ты в разлуке
не будешь забыта —
позовешь через дали грани
неразгаданной силой
магнита
под крыло рукотворных
зарниц.

Мы и домны твои задували
от завеса Ручьевских костров,
и в названия улиц вписали
имена огневых мастеров.

Припев.

Мы тобой не устанем гордиться,
крепко спаяны общей судьбой —
над причалом Магнитной станции
ты горишь путеводной звездой.

Припев.

Притча об Урале

— Скажи-ка, дедушка, Уралом
когда назвали вольный край?
— Так слушай, внук, и примечай:
Уралом назван он недаром,

Когда-то предки величали
мать-землю — АР, а солнце — РА,
и солнце издревле венчает
наш край, наш солнечный Урал.

Он, стало быть, стоит у солнца —
трудолюбивый и простой,
в былинной славе ратоборца
хозяин рудной кладовой.

И слышал я от древних дедов —
башкир и русских мудрецов,
что превращались в самоцветы
сердца уральских мастеров.

Богатырям на подвиг ратный
ковали издавна они
шеломы, панцири и латы
еще задолго до брони.

Далеких кузниц отголоски
стозвонным грохотом вобрал
стальной гигант
МАГНИТОГОРСКИЙ —
и льется солнечный металл!

Аркаим

Хребет Урала цепью зримою
две части света сторожит,
седую тайну Аркаима
и след батыевых копыт.

По склонам горного отрога
хранит преданья древний бор:
здесь Заратустра вырос богом,
родился русский Святогор.

В степях, в глубь земли священной,
под толщей сдавленных веков,
лежит забыто, сокровенно
немало древних городов.

Остановись, чтоб оглядеться:
здесь, в Аркаиме, — не вдали —
хранит Урал седое детство
цивилизации земли.

Айгуль

Я спросил у башкирки
Айгуль:

— Это Банное
иль Якты-Куль?
Помолчав,
отвечала она:
— К нам одна
набегает волна,
русский Бог,
и башкирский Аллах
уживаются там
в небесах.
Наши прадеды
жили в любви —
как поправится,
так и зови!
Это Банное
иль Якты-Куль?

Ты — Аленушка,
или Айгуль?

Рыжий день

Дворник с листьями воюет —
тополям грозит метлой,
рыжий ветер озорует
с рыжей деда бородой.

Рыжих листьев рдеют кучи,
эх, напрасно дед спешил:
рыжий ветер падал с тучи —
всю листву разворошил.

Хочет солнце спрыгнуть с крыши
в рыжей кепке набекрень...
Дворник рыжий, тополь рыжий,
в рыжей шапке рыжий день.

Увильды

Пошло водой,
чтоб сильней бронзовели,
стелило под корни песок,
но тянутся к солнцу
красавицы-ели,
а озеро стынет у ног...

Лишь ветер
качает и клонит вершины,
что так далеки от воды,
и бьются о берег
крутые седина
осенней воды
Увильды.

Тройка

Муз. А. Гардашникова

Кони крыльями увенчаны,
снег под полозом поет:
до свиданья, дом бревенчатый —
тройка мчит за поворот.

Лишь поэмка лихо стелется,
молоком дымитесь высь —
под копытами метелица,
тууже вожжи — и держись!

Чудо русское крылатое —
тройка быстрая коней...
Знать, не зря тебя сосватали
с легким полозом саней.

Разметим сугробы частые
сталью звонкою подков —
пусть горят платки цветастые
в белом холоде снегов.

До свиданья, дом бревенчатый,
кони мчат за поворот.
В тройке, крыльями увенчанной,
удаль русская живет!

На закате
вошла без стука,
не спросясь.
Как струна,
зазвенела туго
между нами
незримая связь...
Веют скукой
ветра разлуки,
ты однажды